

К а р п ъ

Погода сегодня веселая, праздничная, телефонная трубка звенить беспечными голосами, зовущими, приглашающими и укоряющими, а я сижу дома, простуженная, сонная и сердитая, сижу у письменного стола, по которому разложены листы для спешной работы.

Я не расчитывала простудиться и сидеть дома и отпустила свою Франсину. Она прибежала только на несколько минутъ, наспехъ разбила чашку и передъ уходомъ вразумительно растолковала мнѣ, что завтракъ мой, собственно говоря, готовъ, потому что на плитѣ стоитъ кастрюлька съ приготовленнымъ «курбуйонъ», а на столѣ лежитъ рыба — *une belle carpe* и надо только эту рыбу положить въ кастрюльку на четверть часа — и все будетъ готово.

Я все отлично поняла и, когда настало время завтракать, пошла въ кухню.

И все было такъ, какъ Франсина мнѣ растолковала: на плитѣ стояла кастрюлька, въ которой плавала луковица и петрушка, а на столѣ лежала толстая рыба съ темной спиной и блѣд-

нымъ животомъ. Крупная чешуя красиво золотилась. Это, конечно, очень хорошо, что она красиво золотилась, но вѣдь для того, чтобы рыбу сварить, надо эту чешую содрать, что Франсина, очевидно, забыла сдѣлать.

Я дотронулась до рыбы кончикомъ пальца и вдругъ она дернула хвостомъ. Она была живая!

Я налила воды въ стаканъ и плеснула ей на жабры.

Она вздрогнула и ударила хвостомъ по столу.
Какой ужасъ!

Что же мнѣ съ ней дѣлать? Скрести ее ножомъ, когда она какъ собака виляетъ хвостомъ?

Я налила воды въ миску и осторожно столкнула въ нее рыбу. Для этой операциі я обвернула руку полотенцемъ, такимъ отвратительнымъ было для меня прикосновеніе къ этой твари, потому что она живая. Странно — именно потому, что живая.

Рыба шлепнулась на дно, пустила пузыри, чуть-чуть шевельнула жабрами, но лежала на боку. Очевидно ея дѣла были плохи.

Но вотъ жабры шевельнулись сильно. Открылся круглый хрящеватый ротъ, широко, словно рыба запѣла. Ротъ этотъ былъ чуть-чуть розоватый.

Ей тѣсно въ мискѣ. Нужно найти что нибудь попросторнѣе.

Стала обыскивать бабье хозяйство моей Франсины. Нашла за шкаломъ какой то металлическій тазъ, для стирки что-ли. Налила въ него воды и осторожно перелила миску съ рыбой.

Рыба всколыхнулась, шлепнула хвостомъ, обдала меня всю водой, повернулась спиной кверху и поплыла вокругъ таза, тычась носомъ въ стѣнки.

Нужно ее накормить.

Покрошила ей хлѣба.

Взглянула на часы, замѣтила, что провозилась больше часа. А на столѣ работа, и голова болитъ, и хочется ъесть.

— Послушайте вы, рыба! Это очень хорошо, что вы воспрянули духомъ, но вѣдь я ъесть хочу!

Пошла въ столовую, разыскала въ буфетѣ корочку сыра, погрызла. Сѣла работать. И все время чувствую, что я въ квартирѣ не одна, что поселилось у меня въ домѣ *существо*, чья то жизнь, незамысловатая, но все же жизнь, протечетъ рядомъ съ моею, вошла въ мою.

Она мнѣ мѣшаетъ работать, эта рыба. Я все время невольно прислушивалась — что она тамъ, не плеснула-ли...

Куда мнѣ ее дѣть?

Не могу же я навязать ее себѣ на всю жизнь. Карпы живучи. Она можетъ протянуть еще лѣтъ двѣсти. Недаромъ поймали въ какомъ то итальянскомъ пруду карпа съ кольцомъ на жабрѣ, а на кольцѣ надпись: «Рыба эта пущена въ воду за полтораста лѣтъ до Рождества Христова». Почему бы и моей не прожить еще нѣсколько сотъ лѣтъ? Перспектива для меня не геселая. Возись съ ней двѣсти лѣтъ. Видѣ у нея здоровенный, спина лошадиная. Если на лошадь смотрѣть сверху изъ окна — совсѣмъ мой карпъ.

Да и имя у нея самое подходящее — «Карпъ». Купецкое имя. Карпъ Иванычъ.

Куда его дѣть? Подарить Франсингъ? Такъ вѣдь она его сѣсть. Нехорошо. Онъ теперь вродѣ какъ бы свой человѣкъ, живеть въ домѣ, купается, Ѳсть. Выходитъ, что сама я убить его не могу, но если убьютъ другіе — протестовать не стану. Некрасиво выходить.

Между прочимъ, я совсѣмъ не сентиментальна. Когда одинъ французскій университетъ прислалъ мнѣ протестъ противъ смертной казни, я не подписала его. Рѣшила отложить и подумать. И сколько вздору пришлось тогда выслушать по поводу этихъ протестовъ.

— Вы вѣдь не подадите руку палачу?

— Не знаю. Знаю, что видъ человѣка, который можетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ омерзительнымъ ремесломъ, навѣрное вызвалъ бы во мнѣ физическое отвращеніе. Мясникъ, только что зарѣзавшій быка, тоже не очень аппетитенъ.

Удивительное явленіе это физическое отвращеніе къ убийству. Явленіе *ненатуральное*. Въ природѣ его нѣть. Оно привоспитано въ теченіе вѣковъ. Отвращеніе моральное вызываетъ уже физической рефлексъ, — тошноту, обморокъ.

Вотъ та публика, которая, по свидѣтельству газетъ, элегантная и веселая пріѣзжаетъ прямо изъ кабаковъ Монмартра смотрѣть на казнь, та публика по моему очень подозрительна. Не есть ли это сборище потенциальныхъ убийцъ? Если они не испытываютъ физического отвращенія при

видѣ убійства, то вѣдь при случаѣ не придется имъ разрушать самую могучую преграду на страшномъ пути — преодолѣвать физическое отвращеніе.

**

Что-то какъ будто плеснуло...

Это онъ, Карпъ!

Что я буду съ нимъ дѣлать?

Будь это гдѣ нибудь въ деревнѣ, я бы выпустила его на волю, куда нибудь въ рѣчку. А здѣсь въ Парижѣ бросить въ Сену очень трудно. Это кажется даже запрещено, кто ихъ знаетъ. Пришлось бы ночью подхватить карпа подъ мышку (а онъ будетъ хлопать меня хвостомъ по спинѣ!) и спуститься внизъ подъ мостъ. Но тамъ всегда присматриваетъ полиція и, чуть шлепнетъ карпъ по водѣ, мгновенно раздастся свистокъ и за моей спиной вырастутъ двѣ тѣни въ пелеринахъ.

— Что вы бросили въ воду? — спросить одна тѣнь и схватить меня за руку.

— Не трудитесь отпираться, — скажетъ другая тѣнь и схватить за другую руку.

— Я бросила рыбу, — отвѣчу я стуча зубами.

— Рыбу? Она бросила рыбу! — усмѣхнется первая тѣнь.

— Рыбу вытаскиваютъ изъ рѣки, мадамъ, а не бросаютъ въ рѣку, — скажетъ другая тѣнь.

— Будьте любезны слѣдовать за нами, — скажутъ обѣ вмѣстѣ.

И вотъ я въ участкѣ.

Меня вводятъ въ отдѣльную комнату. Садятъ на стулъ и направляютъ прямо въ лицо яркій свѣтъ лампы съ рефлекторомъ. Кто то сидѣть съ другой стороны лампы. Двое стоять у дверей.

— Вамъ нѣтъ смысла отпираться, — говорить спокойный, увѣренный голосъ. — Ваши сообщники уже арестованы и принесли повинную. Отпираясь, вы только отягощаете свою вину.

Я понимаю, что это хитрость, на которую онъ хочетъ меня поймать.

— Но у меня не было никакихъ сообщниковъ! — лепечу я.

— Такъ вы утверждаете, что вы совершили преступленіе одна? — строго спрашиваетъ голосъ.

— Какое преступленіе? — въ отчаяніи вскидаю я.

Онъ ничего не отвѣчаетъ на этотъ вопль. Я слышу только какъ шуршитъ его перо по бумагѣ.

— Можетъ быть вы — *fille-mère*? — снова раздается его голосъ. — Помните, что чисто-сердечное признаніе... Что толкнуло васъ на этотъ ужасный шагъ?

— Нужда, — отвѣчу я машинально. — То есть нѣтъ. Жалость.

— Убийство изъ жалости, — говорить голосъ. — Отлично. Значитъ, онъ былъ безнадеженъ?

— Ну конечно. У него уже жабры не шевелились.

— Жабры? — переспросил онъ и прибавилъ въ полголоса, — какая грубая! Ну-съ, подпишите протоколъ. Завтра съ утра будутъ посланы водолазы обшаривать рѣку на этомъ мѣстѣ.

Да. Они пошлютъ водолазовъ и тѣ найдутъ то, что всегда находится на днѣ современныхъ рѣкъ: семь правыхъ рукъ, три бедра, двѣ головы мужскихъ, четыре женскихъ, одну ключицу дѣтскую, одно ухо, одинъ ротъ и восемь поясницъ. Все это предъявятъ мнѣ для опознанія. Меня затошнить и все станетъ ясно. И все будетъ кончено.

Меня посадятъ въ тюрьму. Холливудъ прислать мнѣ предложеніе крутить фильмъ. Казино де Пари — сыграть скэтчъ, какъ я убивала. «Matin» помѣстить мой портретъ, на которомъ я выйду съ бородой и съ тремя глазами.

Начнутъ изслѣдовать мои умственныя способности. Найдутъ, что я вполнѣ сумасшедшая, но за свои поступки отвѣтственна.

Потомъ меня повезутъ въ судъ. Вызовутъ въ качествѣ свидѣтельницъ всѣхъ моихъ знакомыхъ дамъ и хотя онѣ ничего показать не смогутъ, ихъ все же заставятъ подъ присягой сказать, сколько имъ лѣтъ. И я буду смотрѣть на ихъ муки и ничѣмъ не буду въ силахъ имъ помочь.

Потомъ защитникъ скажетъ, что я очень раскаиваюсь и, утопивъ своихъ жертвъ, хотѣла сама броситься въ воду, но промахнулась.

— Да, виновна, — прозвенить голосъ предсѣдателя. Я спокойно выслушаю приговоръ.

Толпа на улицѣ захочеть разорвать меня на части, но правосудіе откажется отъ этихъ услугъ и ночью, на разсвѣтѣ, меня разбудятъ и предложатъ мнѣ выпить стаканъ рому. Это мнѣ напомнить разныя чествованія въ русско-цыганскомъ стилѣ, когда стоишь и черезъ силу глотаешь не по вкусу сухое шампанское, а всѣ кругомъ, выпуча глаза, припѣваютъ: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна!».

Я отгоню недостойныя воспоминанія, откажусь отъ рома и пойду казниться.

— Палачъ! — скажу я гордо. — Дѣлайте свое дѣло.

И ни одна фибра моего лица не дрогнетъ.

Нарядныя дамы изъ кабаковъ Монмартра встанутъ на сидѣнья автомобиля, чтобы лучше меня разглядѣть. Нарядныя дамы... Посмотрю-ка и я въ послѣдній разъ, какія манто теперь носятъ...

Ну вотъ, я и умерла. Голова моя съ сухимъ стукомъ упала въ корзинку. А есть все таки хочется.

Пошла въ кухню, нашла хлѣбъ. Нечего сказать, — весело.

Карпъ шевелилъ плавниками, глоталъ воду, пускалъ пузыри и жилъ полной жизнью. И я, такъ трагически изъ за него погибшая, очевидно совершенно его не интересовала.